

ТАМ, ГДЕ ТАНЦУЮТ СИРЕНЬ

16+

ЕКАТЕРИНА КОЗИНА

Екатерина Козина
Там, где танцуют сирены

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Козина Е.

Там, где танцуют сирены / Е. Козина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-12522-3

Вопреки желанию, мне приходится вернуться на родину - в маленький поселок на берегу моря. Здесь мои родители пропали ровно два года назад. Но все оказывается не таким, каким осталось в памяти. В первую же ночь я сталкиваюсь с чередой странных событий. Наутро вход в море внезапно оказывается под запретом, а жители деревни от меня что-то скрывают... Да еще и этот Ден, вечно появляющийся поблизости! Я всегда знала, что море хранит много тайн, которые мне хотелось разгадать. Но даже предположить не могла, что являюсь одной из них...

ISBN 978-5-532-12522-3

© Козина Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог.	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
I	6
II	8
III	10
IV	12
V	16
VI	20
VII	26
VIII	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Козина

Там, где танцуют сирены

Пролог.

Тише. Прислушайтесь. Это море. Оно может быть разным. Каким его слышите вы? Спокойным? С мерным плеском волн, шуршанием камней, которые вода пытается присвоить себе. Криком чаек.

Или у вас бушующее море? Страшное, неподвластное. С темными свинцовыми горообразными тучами, грохочущим громом, сверкающими молниями и волнами, которые разбиваются с оглушающим шумом о берег. Стихия, готовая унести с собой все, до чего дотянутся ее щупальца.

День или ночь? Тепло или холодно?

Знаете. Это все неважно. Станет неважно, как только вы услышите пение.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Небо сегодня темное, пасмурное. Громадные тяжелые тучи, кажется, нависли прямо над головой – протянешь руку и сможешь коснуться мягкого темного бока. Уже надвигаются сумерки, но я никак не хочу уходить. Ветер усиливается, бросая в лицо холодные капли. Набегающие на берег волны ласкают босые ступни.

Я просто стою, обхватив себя руками, и смотрю на воду – вдалеке мигают какие-то огоньки. Еще с детства я уверяла себя, что это глаза кракена, который наблюдает за мной. Что вон там, у буйка сейчас поднимется его щупальце и помашет мне. В детстве все было именно так.

Только сейчас все иначе. Нет глупых игр, которые меня так радовали. Нет ничего, что могло остаться из прошлого. Лишь это море, которое помнит меня еще ребенком, помнит, как часто являлось мне няней.

С моря дует прохладой, так что в своем голубом легком сарафане я быстро замерзаю, но по-прежнему стою, неотрывно вглядываясь в море. Как будто хочу увидеть там что-то. Морской воздух щекочет ноздри. На губах чувствуется привкус соли.

Я не была здесь уже два года. С тех пор как поступила в университет. Сессия и практика не давали мне возможности отправиться сюда, в единственное место, где я чувствую себя уютно, будто дома.

Мне двадцать, но так хочется повернуть время вспять. Хотя бы на несколько лет. Когда они были живы.

На глаза наворачиваются слезы.

– Морена, все хорошо, не плачь, рыбка моя, – могла бы сказать мама, только...

Горло перехватывает, а я опускаюсь на влажный песок и обхватываю колени руками. Все еще никак не могу свыкнуться с мыслью, что их больше нет. Ни мамы, ни папы. А ведь они погибли здесь. Попали в шторм, плывя на яхте друзей.

Разбившуюся яхту нашли у дальних скал, а вот тела родителей пропали. У полицейских только одна правда – унесло течением.

Мне бы винить море за смерть родных. Только я не могу. Знаю – не оно виновато. Что-то в душе хочет верить, что это был не просто шторм, а родители живы. Но уже второй год, как о них ничего не известно, а я только сейчас осмелилась приехать сюда, отложив в сторону все отговорки.

Ветер резко меняет направление, и темные волосы бросает мне на лицо. Они лезут в рот, в глаза, щекочут нос.

Провожу рукой по лицу, пытаюсь вытереть слезы и собрать пряди в одну, только они липнут к влажной коже, а глаза вновь застилает пелена.

– Иди сюда! Станцуй с нами! Иди! – тонкие красивые руки с полупрозрачной кожей тянутся в мою сторону. Приятные мелодичные голоса зовут куда-то вперед. Приглашают коснуться волн и идти по ним, словно по дороге.

Просыпаюсь с ощущением зова внутри. Мне кажется, что я должна находиться сейчас у моря, танцевать в странном завораживающем танце. Быть частью волн, что бьются о берег, встают на дыбы.

Но я здесь. В своей маленькой душевной комнатке на чердаке. Со скошенным потолком и окном, через которое видно небо. Лежу на узкой жесткой кровати, щека касается влажной

подушки, кожу что-то колет. Видно, перо вылезло. Только я не двигаюсь. Замерла, прислушиваясь к шуму за окном.

Идет дождь. Завывает ветер. И яблоня стучит ветвями по стене дома. Что там сейчас на море? Поднимаются ли высокие волны? Грохочут ли они, разбиваясь об острые камни? Кричат ли в ужасе чайки, сдуваемые порывами ветра?

Тяжелое одеяло придавило меня к матрасу. Кажется, словно что-то сковало движения.

Тетка, наверное, сейчас спит себе внизу и даже не знает, что ураган разыгрался не на шутку.

И не узнает, как я, одержимая странным желанием, выбираюсь из теплой кровати, открываю окно и вылезая наружу. Ледяные струи дождя, обрадовавшись новой жертве, тут же принимают хлестать по коже, волосам и ночной рубашке.

Перехватывает дыхание, так что мне приходится на мгновение остановиться, прежде чем продолжить спускаться по деревянной лесенке, которую я заблаговременно подставила к своему окну. Тетке-то все равно, а мне спускаться удобнее.

Ветер страшно завывает, и где-то в уголке моего мозга появляется чувство опасности, но я его отвергаю и, распахнув калитку, выбегаю на проселочную дорогу, по которой за пять минут могу добраться до моря – теткин дом находится почти у воды.

Промокшая рубашка липнет к телу, путается в ногах, но я бегу, подставляя лицо дождю. Такая странная одержимость силами природы должна настораживать, но это будет утром. Сейчас я часть всего этого хаоса.

Добравшись до берега, я замираю в нерешимости – волны достигают нескольких метров. Кажется, сердце на мгновение застывает.

Всполох молнии озаряет округу, и я вижу разные очертания в волнах. Кони, поднимающиеся на дыбы. Их ржание раздаётся громом над морем. Тонкие девичьи фигуры, выплясывающие на гребнях волн.

Завороженная, я ступаю ближе, рискуя быть утопленной в море. О ноги бьется разъяренная вода. Сердце отбивает странный ритм. А в горле пересохло.

Из новой волны, ударившейся о камень рядом со мной, выходит девушка. Подол длинного серебристого платья волочится за ней следом. Незнакомка протягивает в мою сторону руку и что-то говорит – вижу это по открывающемуся рту, но не слышу – грохот воды не дает различать другие звуки.

Невольно протягиваю руку вперед, я хочу дотронуться этой девушки. Насколько она реальна?

Когда мои пальцы почти касаются полупрозрачной молочной кожи незнакомки, кто-то крепко обхватывает меня за пояс и оттаскивает назад. Лицо девушки каменеет. От ласковой улыбки не остается и следа. До этого красивые большие глаза сужаются. Зрачок становится вертикальным. Нос заостряется и превращается в птичий клюв.

Девушка открывает рот и кричит. И этот крик я слышу. Это злость, раздражение и жажда крови.

Крепкие руки, что держали меня за пояс, ослабляют хватку. Теперь я могу повернуться и лишь мельком увидеть лицо парня, спасшего мне жизнь. Силы, что вели меня сюда, резко отпрянули.

Успеваю увидеть лишь синие глаза, нахмуренные темные брови и плотно сжатые губы. Земля уходит у меня из-под ног и доселе где-то скрывающаяся тьма, накатывает, забирая остатки сознания.

II

Просыпаюсь оттого, что солнце слепит глаза. На губах соленый песок. Дует холодный утренний ветер. Неужели забыла на ночь прикрыть окно?

Крик чаек. Слишком громкий. Из своей комнаты я такого никогда не слышала.

Когда пробуждается чувствительность, я понимаю, что лежу отнюдь не на кровати. Кожу, где она не прикрыта влажной ночной рубашкой, колет мелкими иголочками, так бывает, когда лежишь на песке. Еще и этот сильный запах водорослей, словно я нахожусь на...

Распахиваю глаза. Пляж. Вокруг песок. В паре метров на камне сидит чайка и, склонив голову, рассматривает меня своими черными глазами-бусинками. Гадает, сможет поживиться или нет.

– Пошла отсюда, – шепчу я, взмахнув рукой. Чайка недовольно вскрикивает и перелетает немного дальше, все так же продолжая наблюдать за мной.

Голова болит, наверное, это из-за того, что шея затекла. Сажусь и пытаюсь вспомнить события прошлой ночи. В голове каша и сумбур. Все волосы и одежда в песке. Он и на зубах противно скрипит.

Мысль молнией сверкает в моем мозгу – меня могут заметить в таком непотребном виде. Ночная сорочка промокла и теперь просвечивает, ничуть не стесняясь, показывает всю меня, какая есть.

Подскакиваю на ноги. Нельзя терять ни минуты. Скоро проснутся жители, и тогда мне вряд ли удастся избежать косых взглядов и любопытных глаз.

Хорошо, что тетка живет совсем близко. Я добираюсь без происшествий. Проскальзываю в калитку, стараясь, чтобы она не скрипела, и бегу к своей лестнице. До окна остается всего пара ступеней.

– Они вновь вернулись. Сегодняшний шторм был необычным, – доносится женский обеспокоенный голос. Это она к тетке пришла, стоят на веранде. Меня не должно быть видно.

– И что ты предлагаешь? – это уже тетя.

– Все тоже, как и в тот раз двадцать лет назад. Хотя, ты, наверное, и не помнишь.

Я замираю не в силах лезть дальше. Станный разговор, у которого точно не должно быть свидетелей.

– Мне было пятнадцать. Я все помню. Людям запретили подходить к воде. Сослались на загрязнение.

– Тогда в этот раз мы поступим так же. Ден уже сообщил, что спас сегодня ночью какую-то дуреху. Не твоя часом?

Вспыхиваю. Почему сразу дуреха-то? Меня звали, я сама не понимала, что происходит.

– Марина еще не спускалась.

Морена. Вечно она коверкает мое имя. И неважно, что там в паспорте написано. Они просто ошиблись. А исправлять времени не было. Морена я. И папа меня так называл. И мама.

– Неважно. Последи за ней. Дурости в молодых головах много бывает.

Я хочу возразить, но слышу шаги. Подруга тети, наверное, уходит собирается. А это значит, что меня могут запросто увидеть. Взлетаю по лестнице вверх, ныряю в открытое окно и выдыхаю.

Теперь нужно привести себя в порядок. И спальню.

Комнатка напоминает что-то из разряда криминальных хроник. Вещи валяются на полу, лужи, мокрый подоконник после дождя. Глупая я. Забыла закрыть окно за собой. Теперь все это убирать придется. А если тетка заглянет?

Я, конечно, человек взрослый, только что от этого толку, когда на меня будут ругаться аки на маленького ребенка?

Ношусь по комнате на цыпочках, только бы тетка не услышала. Только бы не поднялась.

Сердце пропускает удар, когда раздается стук в дверь. Я понимаю, что все еще нахожусь в том же виде, в котором очнулась на пляже. Влажные волосы похожи на воронье гнездо, и если в них покопаться можно будет найти мелкие ракушки, водоросли, палочки и гору песка, которую мне потом придется долго вычесывать.

Прыгаю в кровать, накрываюсь одеялом с головой. Стук повторяется.

– М-м-м, – мычу я, изображая то ли корову, то ли только что разбуженного человека.

– Марина, ты спишь? – дверь приоткрывается. А мне хочется скрежетать зубами.

– Морена, тетя, Морена, – бормочу я. – Проснулась только что.

Мой взгляд падает на открытое окно. На подоконнике грязные разводы. Хорошо хоть следов ног не осталось, я попыталась их затереть. Тетка, я уверена, смотрит в ту же сторону.

– Как спалось? – она присаживается на кровать.

Ее зовут Пелагея, но, кроме как тетей, я не называю ее. Папина сестра. И очень похожа на него. Те же темные волосы, обладательницей которых я тоже стала. Тонкие черты лица, большие карие глаза.

Карие глаза мне достались лишь наполовину. Гетерохромия. Один карий другой голубой. От мамы я не получила почти ничего. Лишь острые выступающие скулы, да тонкий нос.

Волосы Пелагеи убраны в небрежный пучок. На еще молодом лице озабоченность.

– Хорошо спалось, – улыбаюсь я, продолжая лежать, укутанная в одеяло, хотя становится жутко жарко. – Только окно закрыть забыла. Тут такой бедлам.

– Заглядывала Виталина Петровна. Сказала, что в море выброс какой-то произошел. Не стоит ходить туда. Лучше в город скатайся. Больше толку будет, чем от прогулок по ядовитому пляжу.

Я лишь киваю. Она врет. Если бы я только не знала, что на самом деле произошло, то могла и поверить.

– Теть, – окликаю я, Пелагея уже доходит до двери. – А не у нее сына Деном зовут?

– У нее, у нее. Ты же с ним в детстве играла? Помнишь?

– Не, – вру, а память учтиво подсовывает воспоминания.

III

Наш поселок маленький, я бы даже деревушкой назвала, но это поселок. На картах вы его не найдете, словно над этим местом навис магический купол. Здесь не было, и нет вездесущего интернета. И мобильная связь не ловит. Общаются люди по старинке – заглядывая друг к другу в гости. Есть, правда, в домах стационарные телефоны. Но ими пользуются не часто. Посторонние люди редко сюда заглядывают. Чаще случайно, сбившись с дороги. Переночуют и едут дальше. Никто дольше дня не задерживается обычно. Здесь даже гостиницы нет. Хотя до моря рукой подать. Странно, что туристов не бывает.

Зато здесь чисто. Нет этих разбрасывающих окурки, пивные банки и огрызки от кукурузы свиней. И никто не ходит по пляжу, крича: «Чурчхела! Холодное пиво! Свежие крабы!». Да и хорошо, что тихо.

Я приезжаю сюда отдохнуть душой, посидеть на камнях, порисовать. Или написать главу-другую для своей книги. Московский воздух не способствует полету души.

Но что мне делать теперь, когда доступ к морю запрещен? Идти в лес? Он здесь тоже неподалеку. Закрывает нас от внешнего мира. Как хорошо, что я знаю сюда дорогу. Как хорошо, что не приходится копить на дорогие курорты.

Только лес не для меня. Все эти клещи, змеи, пауки. При одной мысли в дрожь бросает. Другое дело чистое лазурное море с его любопытными рыбками, приплывающими к ногам, как только ты ступаешь в воду. Эти ракушки разнообразной формы. Рачки. Другие обитатели морской фауны.

И вот теперь, когда море у меня отняли, я не знаю, что делать. Не думаю, что Пелагея мне что-нибудь расскажет. Максимум чего смогу добиться от тетки это недоброго взгляда, поджатых губ и молчания до конца дня. Она сделает вид, что обиделась. Мы с ней давно нормально не общались. Все чаще по нужде. А когда родители пропали, я просто уехала, чтобы больше не видеть ее, напоминающую об отце. Пелагея тогда ужасно обиделась и долго не звонила мне. Но этим летом я решила вновь наладить отношения с единственным родным человеком. А тетка была рада. Но все равно она не теряет возможности как-то уколоть или поддеть меня. Хотя бы с тем же именем.

Еще утром слепящее солнце куда-то подевалось. Небо заволокли серые тучи разных форм и размеров. Я не могу сказать, что они мне не нравятся. Я обожаю грозу так же сильно, как и теплое летнее солнце. Только сейчас хотелось бы больше ласковых лучей по еще бледной незагорелой коже, чем хмурого взгляда неба.

Виталина Петровна – женщина пятидесяти лет, что работает учительницей в местной школе. Детей здесь немного, разве что на три класса наберется.

Вообще, в поселке живет около четырехсот человек. Я не считала, но так говорят. Школа здесь одна – небольшое старое обшарпанное здание. Я там не была ни разу, но уверена, что внутри ремонт требуется настолько же сильно, как и снаружи. Сейчас школа пустует. Лето. Каникулы. Большинство ребяташек разъехалось, но некоторые продолжают носиться по улочкам, стреляя из бутылок, наполненными водой, и сражаясь на палках.

Вот и сейчас мимо меня проносится толпа из семи ребят школьного возраста. Они кричат что-то друг дружке, размахивают самодельными мечами и устремляются в сторону леса. К ним присоединяется еще один растрепанный мальчуган, выскочивший из калитки соседнего участка.

– К двум вернись! – раздается громогласный крик из-за забора.

– Хорошо! – на бегу откликается мальчишка.

Компания скрывается за поворотом и на улице стихает. Только пара собак продолжает лаять между собой, раздражаясь на сильный шум.

Я соврала тетке о Дене. Давно, еще в детстве, когда мне было лет тринадцать, мы с мальчишкой носились по пляжу в поисках камней желаний – обычные камешки, но с дырочкой. Через нее нужно посмотреть на солнце и про себя произнести то, что хочешь больше всего на свете.

Раньше, до того как мне исполнилось шесть, я с родителями жила здесь. Это потом что-то произошло, и нам пришлось уехать в душную, вечно куда-то спешащую Москву. С ее каменными джунглями, грубыми людьми, суровыми взглядами и недовольными кислыми лицами прохожих. Я тосковала по этому месту. Задыхалась от выхлопных газов. Мне было тяжело среди каменных стен. Я много болела.

Но как только на лето мы возвращались сюда. Все менялось. Из замкнутого, уставшего и больного ребенка я превращалась в ураган, готовый свернуть горы на пути к каким-то своим детским целям.

Вот в одно из таких радостных лет я и встретила с Деном. Мы столкнулись на пляже. Он собирал медуз после ночного шторма и бросал их в море. Ден был всего на год старше меня.

Все его друзья разъехались, а помогать матери в огороде не хотелось. Вот он и отправился в то место, где, как и я, мог чувствовать себя свободным.

– Ты кто такая? Я тебя не помню, – сказал мне тогда Ден, как только увидел, что я за ним наблюдаю.

У него были такие же темные волосы, как и у меня. Только взъерошенные, непослушные, смешно топорщились. Торчали ежиком в разные стороны. Я тогда даже немного испугалась его вопросов. Он казался мне старше, и это пугало.

– Морена, – пропищала я, отходя назад. Тогда еще галька вместо песка скрипнула под платформой кроссовка. – Только приехала. У меня тут тетя живет.

– А я тут живу постоянно, – он был немногословен. Вечно хмурил брови на переносице и губы плотно сжимал, словно его что-то беспокоило. Но что может беспокоить четырнадцатилетнего мальчишку? Подружка? Проблемы с семьей?

Но я так за то лето и не узнала, почему он ходил смурной, а родители запрещали мне лезть в воду. Возможно, ему тоже не нравились запреты.

А потом лето кончилось. Мы оказались не настолько близки, чтобы продолжать дружить на расстоянии. К тому же на следующий год родители отвезли меня в Египет, а не сюда. И мы не увиделись. А дальше все просто забылось. Только это была ложь, которую я придумала для себя, чтобы забыть о позорной трусости.

Мне было хорошо в одиночестве. Мне нравилось отдыхать от своих сверстников. У меня были друзья в Москве, но мне всегда казалось, что это просто вынужденная необходимость. Весь тот мир за лесом был вынужденной необходимостью.

И вот сейчас я стою у калитки, ведущей на участок Дена, и не знаю, повернуть ли мне назад или постучать. На мне все тот же неизменный сарафан цвета неба, который треплет сильный ветер, предвещающий вновь большие волны и грозу. Волосы убраны в тугую длинную косу, но некоторые пряди все равно выбились и щекочат шею и лицо.

Пыль поднимается под порывами ветра и норовит запорошить глаза.

И даже несмотря на духоту и жару, мои руки холодеют только при мысли, что сейчас придется что-то говорить.

Пересиливая себя, я несколько раз стучу по металлу. И смешиваясь с медным звуком ударов, грохочет гром.

IV

Когда первые крупные капли дождя, выбивая песчинки, касаются пыльной земли, калитка со скрипом открывается.

На пороге Виталина в цветастом платье ниже колен, с тугим пучком на макушке и в старых смешных клетчатых тапочках. Она окидывает меня удивленным взглядом светло-голубых глаз и, поймав на нос большую каплю, без вопросов пропускает на участок, а затем в дом.

Я успеваю ступить под козырек, как разражается самый настоящий ливень. Воздух тут же наполняется любимым ароматом прибитой дорожной пыли, свежести и влажной травы.

– Проходи, проходи, нечего на пороге толкаться, – Виталина впускает меня в дом.

Здесь темно и душно. Пахнет кошкой и еще чем-то старым, как во всех домах, где люди живут долгое время.

В лампе с зеленым плафоном, что висит прямо надо мной, зажигается свет, но он все равно тусклый и плохо освещает узкий коридор.

– Марина? – уточняет женщина, проходя в сторону светлой кухни. Кухня у нее расположена на веранде – здесь почти со всех сторон находятся окна, в которые я могу наблюдать, как дождь танцует на листьях фруктовых деревьев, что растут в саду у учительницы. Как капли прыгают по уже поспевшим сочным ягодам черешни, пружиня от их упругих бордовых гладких боков.

– Морена, – поправляю я. – Тетя вечно путает мое имя.

– Ты что-то хотела? Может, Пеллагее что-то понадобилось? Чай будешь? – Виталина уже с грохотом ставит чайник на газовую плиту, даже не дожидаясь ответа. Чиркает спичка, и вспыхивает синеватый огонь.

На кухне у женщины просторно, несмотря на большой массивный дубовый стол, что занимает половину площади. По бокам окон висят разные связки сухих трав. Я могу лишь назвать часть из них. Мята, чабрец, возможно, трава с желтыми цветочками это зверобой. Здесь же на подоконнике притулились свечи разных форм и размеров. А рядом с ними растение в розовом горшке – гортензия с голубыми цветками, растущими шарообразной формой.

С опозданием вспоминаю, что мне задали вопрос.

– Чай буду, спасибо. Я хотела бы поговорить с Деном, если можно. Он здесь? – вот так вот. Прямо, без лишней болтовни и отговорок. Нужен мне Ден. И пусть гадают, зачем и почему.

– Он ушел на Площадь. Должен скоро вернуться. Ты можешь подождать его здесь, если хочешь. На улице все равно дождь.

– Спасибо, – я стараюсь избегать ее взгляда. Принимаю чашку с золотистой жидкостью и втягиваю носом аромат. – Как замечательно пахнет. Из чего он?

– Мята, ромашка и еще травки по мелочи, – женщина опускается на деревянный стул, такой же массивный, как и стол. Приглашает и меня сесть.

Мне немного неловко. Я не думала, что впустят в дом. А тут еще и чаем напоить решили и сейчас вопросы начнут задавать.

– Ты ведь в Москве живешь? На кого учишься? – я выдыхаю. Значит, будут только общие вопросы. Это хорошо. Не придется придумывать отговорок. – Меда?

Я отрицательно качаю головой, а Виталина достает из большой засахаренной банки ложку с мутно-золотым сладким содержимым, кладет ее в чай и равномерно помешивает, кажется, полностью увлекаясь этим процессом. Ложка методично постукивает по стенкам чашки. В ноздри проникает тягучий медовый запах и прилипает к небу, так что только несладкий чай может избавить от этого.

– Да, в Москве. Я будущий программист. Хотя уже понимаю, что душа к этому не сильно лежит. Второе высшее образование собираюсь получать филологическое.

Мой взгляд прикован к ложке, которая, как заведенная, описывает круги в чашке учительницы.

– Хочу стать писателем, – добавляю я и отпиваю чай, случайно ударившись зубами о керамический край чашки.

– Неплохо. И много книг ты уже написала? – ее голос кажется строгим, даже каким-то поучительным, хотя она просто спрашивает у меня обычные вопросы.

– Пока ни одной. Я ведь еще не выучилась. Вот получу образование, тогда начну писать... – мои мысли уносятся к будущим великим горизонтам, в которых я знаменитый автор, стою и улыбаюсь с охапкой своих книг в руках. Вспышки от фотоаппаратов. Вопросы прессы. По моим романам снимают фильмы. Я знакома со знаменитыми актерами. Фанаты не могут дождаться выхода новых частей...

– Глупости, – обрывает мои мечтания резким замечанием Виталина. – Если у тебя есть талант, ты и без всяких учебников сможешь написать достойное произведение. Если нет, то и они не помогут.

Дверь в дом с грохотом распахивается, порыв ветра вздымает занавески на окнах. От сквозняка по телу пробегают мурашки. Я невольно обхватываю руками голые плечи.

На пороге появляется что-то большое, злое и мокрое, с налипшими на лицо темными волосами. В руках это раздраженное на весь белый свет существо держит две больших, видимо, еще и тяжелых, авоськи.

– Еще б раз я пошел без зонта, – злобно бурчит новоприбывший. Знаю, что это Ден, только не могу его таким воспринимать. – И чего им у себя не сидится. Надо же бурю устроить...

И тут он замечает меня, сидящую на стуле, с удивленно распахнутыми глазами и вскинутыми бровями. Пакеты с шумом опускаются на пол.

– Мам, почему не предупредила, что у тебя будут гости? – Ден протирает лицо рукой и откидывает мокрые темные волосы назад. Они у него почти достают до плеч.

– Так это не ко мне, – пожимает плечами Виталина Петровна, подходит к раковине, ополаскивает свою чашку и оставляет меня с Деном один на один. – Тебя ждет.

Она доходит до поворота коридора и, вспомнив, добавляет.

– Только продукты разбери, прежде чем болтать.

Ден стоит с ошарашенным видом и смотрит на меня. Узнал.

Он скидывает с ног напрочь промокшие кроссовки и, оставляя на деревянном полу влажные следы от босых ступней, вместе с двумя пакетами проходит на кухню. Молчит, а сам глазами косит в мою сторону, и только вид делает, что занят сортировкой продуктов по полкам в старом холодильнике.

Я тоже молчу. Медленно пью чай да разглядываю старого знакомого. Бриджи джинсовые, как и белая футболка промокли насквозь – с них на пол капает вода. Под футболкой, что прилипла к загорелой коже, проглядывает неплохо накаченный пресс. На несколько мгновений мой взгляд задерживается на нем.

Ден плюхается на стул напротив и складывает руки перед собой. Его серые глаза, хотя я могла поклясться, что ночью они были темно-синими, блуждают по моему лицу.

– Ну? – резкий вопросительный кивок в мою сторону.

– Для начала, здравствуй, – говорю я и широко улыбаюсь.

– Виделись. Ты та ненормальная с пляжа. Зачем утопиться решила? – его голос недоволен, а сам он словно раздражен моим приходом. Неужели мне только показалось, а он не помнит, что мы были знакомы раньше?

Я надменно, по крайней мере, пытаюсь, вскидываю брови.

– Мы оба знаем, что я не топилась. И мы оба видели, что там происходило. Это была девушка. И ее лицо... – скатываюсь на шепот – не хочу, чтобы Виталина услышала.

– О чем ты? – удивляется он. – Какая девушка? Я оттащил тебя от воды, когда нас почти накрыла волна.

Все тот же недовольный взгляд, все те же плотно сжатые губы. И милый подбородок с ямочкой. Отвлеклась.

Кручу в руках уже пустую кружку. Провожу пальцами по керамическому краю, пытаюсь сконцентрироваться на воспоминаниях. И я точно уверена, что мне не привиделось.

– Ты бросил меня на берегу валяться! – выдвигаю я ему обвинение и встаю из-за стола. Если он не хочет мне говорить правду – пожалуйста. Сама все выясню. И что это была за девушка, и что за кони в волнах.

– Ты отключилась, где живешь – мне неизвестно. Что было еще делать? – он сжимает руки в кулаки. Да, совсем не тот мальчишка, которого я помнила.

– Ну уж не оставлять одну на пляже, – я разворачиваюсь и собираюсь уходить, но замираю, потому что он фыркает вслед.

– Зато теперь мы квиты.

Мне приходится повернуть голову, чтобы увидеть лицо парня. Его слова бьют по больному и заставляют проснуться давние воспоминания.

Мы перестали с ним общаться не из-за расстояния. Не из-за того, что я не приехала на следующее лето. Глупые отговорки, придуманные чтобы успокоить совесть, ведь все было гораздо более прозаично.

В один из летних августовских дней мы пошли в лес. Именно после этой прогулки развилась моя неприязнь к этому месту.

Было весело. Мы собирали травы, которые поручила Дену принести его мать. Играли в глупые игры типа прятки и догонялки. Набирали полные карманы желудей и шишек, чтобы потом смастерить из них какие-нибудь поделки.

Помню, как весело было.

– Гляди, гляди! Там белка! – радостно вопила я, тыча пальцем вверх.

– Нет там никого, это просто листок пролетел. Или птица, – откликнулся Ден, но все равно задирает голову и пытался разглядеть то, что удалось увидеть мне.

– Да точно тебе говорю! А вон мышь! – зверюшки были настолько юркими, что когда Ден поворачивался, они уже исчезали.

– Да все ты придумываешь! Иначе я бы увидел! – он обижался на меня и, насупившись, шел искать нужные травы.

На обратном пути дороге нам преградила змея. Наверное, мы слишком близко подошли к ее кладке с яйцами, поэтому она ощерилась, зашипела. Я с самого детства до одури боялась змей. И в тот раз, даже не задумываясь, стала отступать назад, а когда поняла, что змея смотрит только на Дена, бросилась бежать сломя голову окольными путями к морю, а потом и к дому.

Ветки больно били по рукам и лицу, крапива обжигала голые ноги, но я почти не обращала на это внимания. В голове не было мыслей, только страх, который заполнил все сознание и оставлял неприятный кислый привкус во рту. Мне чудилось, что змея ползет по пятам и вот-вот вопьется своими острыми ядовитыми зубами мне в ногу.

Даже яркий солнечный свет и шум волн не уменьшил чувства тревоги, когда я выбежала к берегу.

И только уже в своей комнатке на чердаке, забившись под одеяло и обняв любимого плюшевого пса, я зашла в рыданиях, понимая, что бросила друга одного. Я целый день проходила тихая, незаметная. Родители все спрашивали, что произошло, но я отмалчивалась, боясь признаться в трусости. Я быстро ела и уходила в свою комнатку, где пыталась отвлечь себя чтением, но перед глазами вместо строк мелькали испуганное лицо Дена и шипящая змея.

Я так и не смогла заставить себя пройти пару домов и узнать, вернулся ли Ден. Не хотела смотреть в глаза его матери, если случилось плохое.

А на следующее утро мы столкнулись на нашем пляже. Тяжелые серые тучи нависли над головами, а ледяной ветер пробирал до мурашек.

Ден лишь бросил на меня косой взгляд и пошел в противоположную сторону, пиная попадающиеся на пути камни. А я так и осталась стоять, нервно потирая острые локти вспотевшими от страха ладошками. Надо было сказать ему тогда что-нибудь, но язык будто прилип к небу. И я просто смотрела, как мальчик уходит от меня, навсегда разрывая дружбу, которая едва успела завязаться.

– Я была ребенком. И жутко боялась змей, – говорю глупые оправдания, заглядывая в такие знакомые, но одновременно и чужие, глаза Дена.

– Я оттащил тебя далеко от воды. Тебе ничего не угрожало, – вторит он мне, скрещивая руки на груди.

Выхожу из кухни, со звоном ставя чашку в раковину. Перемирия не будет.

V

К тому моменту, как я выхожу из дома, дождь заканчивается, и, даже сквозь еще бродящие по небу тучки, пытается пробиться солнце.

План отсутствует. Прийти к тетке и спросить я не могу. Остается дожидаться чего-то, что разъяснит мне как-то события прошлой ночи.

Бреду к дому по влажной дороге, комки грязи липнут к подошвам белых босоножек и пытаются испачкать пальцы ног. Остатки дождя в виде капель красиво переливаются на солнце, уже почти одерживающем победу в битве с тучами. Природа цветет. Она любит дождь и ту влагу, которую он дает. До этого унылые, зажаренные растения, изнывающие от палящих лучей, теперь оживились, подняли свои головы-бутоны, расправили листочки и красуются сами перед собой, радуются. Да и дышится полной грудью.

Когда я дохожу до теткиного дома, мозг уже всю рисуется сцены для моей книги, которую я никак не могу закончить, не веря в свои силы, боясь, что она просто не получится, раз я не училась на это. Но слова Виталины, как преподавательницы, почему-то возымели действие. Во мне проснулось это затаенное ныне желание закончить историю, которая рассказывается уже давно.

Проскальзываю в калитку и по мокрой траве иду к лестнице, что ведет к окну на чердаке. Тетка, должно быть, копается в земле на другой стороне участка, или кормит кур.

Здесь у всех большие участки. Почти каждый разводит какую-нибудь живность. Вместо денег иногда используется обмен.

Помню, как в детстве пришла одна соседка с огромным бидоном козьего молока. Попросила десяток яиц. А молоко было свежее, теплое и пахло... М-м-м. Я тогда долго вертелась рядом с этим бидоном, все нюхала, да облизывалась, пока мне не налили полную кружку.

Сейчас такой обмен стал немного угасать. Теперь все больше на продажу. В город или в другие поселки. А жаль.

Взбираюсь по лестнице наверх, тяну окно на себя, рама податливо поднимается, позволяя мне войти. По сравнению с ярким полуднем на улице здесь темновато. Глаза не сразу привыкают, так что стою в нерешительности.

Комнатка оказывается убрана. Видно, Пелагея постаралась. Книги лежат стопкой на тумбочке – я привезла с собой несколько, чтобы было чем заняться на каникулах. Ноутбук бережно убран в сумку вместе с зарядкой и мышью. Расположился теперь в ногах заправленной пестрым покрывалом кровати. Над ней – большой ловец снов. Я сплела его несколько лет назад. Использовала лишь подручные материалы. Виноградная лоза для основания, покрытая голубой акриловой краской. Тонкие белые и синие нити переплетаются в красивый узор, похожий на паучью паутинку. В ней застряли, запутались разноцветные гладкие стеклышки и перламутровые ракушки. Я тогда ходила по пляжу, выискивала самые красивые, без отколотых углов и трещин. Стекла от разбитых бутылок море очень любит превращать в подобие драгоценных камней. Раньше у меня даже была коллекция из всех этих побрякушек. В самом низу ловца сна на морском ветре, дующем от окна, развиваются перья. Я их у куриц утащила. Потом бережно красила, чтобы получился именно тот небесно-голубой цвет, который мне так нравился.

Ловец удался на славу. Я и сейчас могу им любоваться.

Помню, как с гордостью показала свою работу родителям. Они были очень удивлены такому успеху. Папа даже гвоздь забил, чтобы я смогла повесить свое творение над изголовьем кровати.

У папы были золотые руки. Он мог починить практически все. И глаза такие шоколадные, добрые. От них еще лучиками разбегались в стороны морщинки.

Трясу головой, чтобы отогнать грустные воспоминания. Нет больше тех родных глаз и умелых рук. Канули в морскую пучину.

Резко хватаю за ремень сумки с ноутбуком и выхожу из комнаты, постоянно напоминая мне о событиях прошлых лет. В груди противно сосет пустота. Хочется ее чем-то заглушить, но я не знаю, как это сделать. Каждый раз, как всплывают в памяти радостные моменты, которых уже не будет, я готова волком выть и рыдать в голос.

Ноутбук мне дорог, так что спускаюсь обычным путем – по винтовой лестнице, что ведет на первый этаж. На открытой веранде сталкиваюсь с теткой. Она сидит в кресле-качалке и перелистывает глянцевый журнальчик.

Веранда эта всегда мне нравилась. По бокам здесь стоят витражные стекла, проходя через которые, солнечные лучи окрашивают все в разнообразные цвета. Синий, красный, зеленый. Причудливые яркие картины вырисовываются на деревянном полу. А две подвески из тех же стекляшек и ракушек, что и мой ловец снов, раскачиваясь, приятно звенят. Это музыка ветра. Мы делали подвеску с мамой, долго и кропотливо выбирали самые красивые стеклышки, подбирали их по размерам и формам. И вот мамы уже нет, а поделка осталась.

Быстро смаргиваю пару слезинок, предательски блеснувших на глазах.

– Куда ты собралась? – не отрываясь от своего чтива, спрашивает, словно невзначай, Пелагея.

– Хочу сходить на пляж, попишу книгу, – на ее обеспокоенный взгляд, добавляю. – Купаться не буду, обещаю.

Она вновь углубляется в журнал. Разговор окончен.

Конечно, тетка понимает, что не может мне запретить появляться на пляже, ведь они с Виталиной Петровной выдумали только загрязнение воды. А я пообещала не соваться в море. Я уверена, что Пелагея собиралась мне возразить, но так и не придумала толком что.

Пересекаю веранду, почти выхожу за порог, как тетка снова меня окликает.

– Панамку надень, напечет ведь.

– Теть, не маленькая уже, в теньке посижу! – и выбегаю прочь из дома.

Вроде бы только недавно перестал дождь, а солнцу уже удалось разыграться не на шутку. Пока я шла от дома до пляжа успела пожалеть, что не взяла панамку – так сильно напекло в голову.

– Привет, дядь Паш, – у входа на пляж, под зонтом, на складной табуретке сидит знакомый мне продавец из продуктового магазинчика на площади.

– Здорово, егоза. Куда направляешься? – он протирает свою лысеющую вспотевшую макушку платком и тяжело выдыхает. Вся его полосатая майка на груди вымокла от пота. И сам мужичок выглядит довольно измученным.

Дядю Пашу я знаю еще с детства. Помню, как мы каждый день заходили к нему в магазинчик и покупали мороженое. За красивые глаза и детскую непосредственность он часто бесплатно угощал меня конфетами и фруктами. А я рассказывала ему то один, то другой стишок, выученный специально для такого случая. Но чем старше я становилась, тем реже появлялась в продуктовом магазине. А последние несколько лет я даже не приезжала на лето, так что сейчас была уверена, что он меня и не вспомнит. Однако, он не только меня вспомнил, но еще и егозой назвал, как делал это несколько лет назад. На душе сразу стало тепло, захотелось поверить, что все может быть как раньше. Вот только беззаботное детство уже не вернуть.

– На пляж иду, вот книгу писать буду, – показываю тяжелую сумку, что била меня всю дорогу по бедру.

Дядя Паша цокает недовольно языком и качает головой.

– Нельзя на пляж, Моренка. В море отходы выбросили. В лес лучше прогуляйся, – его шикарные ранее усы от жары словно поникли, обвисли.

В лес мне не хочется. Совсем. А в голову действительно печет, права была тетка, следовало все же взять эту глупую белую панамку. Выглядела бы как дурочка, зато макушка осталась бы цела и не пеклась сейчас, словно картошка на углях.

– Так я плавать и не собираюсь. Посижу в теньке под обрывом. Тетка разрешила.

Ну, она же не сказала ничего против моего сидения. Так что фактически можно считать, что она была согласна.

Вот все думают, что люди в двадцать лет уже взрослые, самостоятельные и умные. Не делают каких-то ребяческих поступков. Как бы не так. Если бы только эти все заглянули к нам в группу университетскую. Сразу бы стало ясно, что от шестнадцатилетних подростков мы вообще мало чем отличаемся. Разве что на четыре года дольше прожили. Те же шуточки, те же компьютерные игры и громкий гогот при упоминании определенных тем.

И вот сейчас я, словно дите малое, пытаюсь прокрасться на пляж, когда туда нельзя.

– Тетка разрешила? Эх, не дай бог, что-нибудь с тобой случится. С меня же потом три шкуры сдерут, – вздыхает мужчина и снова обтирает макушку, лицо и шею платком.

– Вы бы сходили домой, охладились. А то смотреть больно. Сколько так сидите уже, дядь Паш? – мне его жалко. Мужик хороший. Добрый. Чего ему на этом солнцепеке сидеть. – А я могу на пляже людей прогонять. А здесь мы объявление повесим. Хотите?

По мужчине видно, что он уже давно готов сбежать со своего поста. Пойти, попить холодного кваса или даже пива. Принять освежающий душ.

Его глаза загораются надеждой на скорое избавление. А я достаю из сумки листок с ручкой и быстро карябаю слова: «ОПАСНО! Проход закрыт! В воде отходы. Не приближаться!» – несколько раз обвожу буквы, чтобы заметнее было. Кое-как прикрепляем с дядей Пашей объявление к зонту и, довольные работой, расходимся. Я спускаюсь по тропинке вниз к пляжу, а он спешит в сторону своего дома, едва не приплясывая.

Здесь в тени от обрыва, нависающего надо мной, свежо и хорошо. Немного выше моей головы гнездятся ласточки. Почти вся земляная стена состоит из круглых отверстий, в которых пищат голодные птенцы. А ласточки снуют туда-сюда, приносят пропитание своим детям.

У меня на коленях расположился ноутбук. Яркости экрана не хватает, чтобы было хорошо видно, так что приходится набирать текст вслепую. Потом уже, дома, за чашкой чая я исправлю опечатки, добавлю запятых.

Я оказываюсь слишком увлечена выдуманной историей и не сразу замечаю девицу, радостно плещущуюся в нескольких метрах от берега. Как она прошла мимо меня? Я сижу почти у самой тропинки. Второй вход на пляж где-то в километре отсюда. И там тоже, наверное, должен быть смотритель.

Аккуратно откладываю в сторону ноутбук и поднимаюсь. Ноги увязают в горячем песке, но я иду к морю, чтобы прогнать из воды глупую девушку, верно, не умеющую читать. Надо было снять босоножки, сейчас они только мешают, загребая носами горсти песка.

– Ты что там делаешь?! – кричу я девушке. Внешне она не старше меня. – Не видела объявления? В море нельзя! Опасно!

Блондинка удивленно замирает и хлопает большими голубыми глазами.

– Как это нельзя? А почему? – она вновь ныряет и подплывает ближе к берегу. Теперь я могу разглядеть ее идеальную тонкую кожу, сквозь которую просвечивают венки.

Смотрю с завистью на чистое личико. Только сегодня утром я увидела в зеркале на носу у себя прыщик. Девушка надувает пухлые губы и склоняет вопросительно голову набок.

– В воду вылили какие-то отходы. Ты можешь навредить себе. На табличке было написано. Ты как сюда попала?

Блондинка заливается звонким смехом и опять погружается в воду с головой и выныривает.

– Тебя обманули, – смеется она. – Море чистое. Как и всегда. Идем, поплаваем.
Я отрицательно качаю головой.

– Сказали есть, значит, есть. Вылезай или я позову кого-нибудь, они вытащат тебя отсюда.
Упираю руки в бока. Девушка определенно младше меня. Ей где-то восемнадцать. Наверное, только школу закончила. Приехала, как и я, к родственникам или знакомым отдохнуть. И теперь считает, что ей все можно, что она взрослая.

И тут вдруг девушка подсакивает на ноги, хватая меня за руку и тащит в воду. Я лишь запоздало отмечаю, что она полностью обнажена и ничуть этого не стесняется.

– Пошли играть! Поплаваем! – для хрупкой девушки у нее слишком сильные руки. И даже то, что я всеми силами упираюсь ногами в песок, не сильно помогает. Ее ногти больно впиваются мне в кожу, того гляди проткнут ее.

– Отпусти меня! – пытаюсь вырваться и краем глаза вижу, как от больших валунов, что вальяжно расположились в воде недалеко отсюда, отделяются тени. Поворачиваю голову, но вместо ожидаемых еще троих девушек, вижу лишь расходящиеся по воде круги. Показалось? Но чей-то тихий хохот мне удается различить.

– Поиграй! – незнакомка делает сильный рывок, и я, теряя равновесие, почти лечу в воду, но крепкая ладонь неожиданного спасителя хватает меня за свободную руку и не позволяет даже намочить платье.

VI

– Дина, отпусти девушку, – этот голос я уже научилась узнавать. Обладатель этой фразы всегда немногословен, холоден и отстранен.

Блондинка пожимает обиженно плечами и опускается в воду, но далеко не отплывает. Она деланно надувает губки и смотрит пристально в нашу сторону.

– Я просто хотела поиграть, – говорит она оправдываясь.

Но Ден ее не слушает, он разворачивает меня к себе лицом. Его руки оказываются на моих оголенных плечах.

– Ты чего здесь забыла? Сказали же, что к пляжу нельзя, – он разговаривает со мной, как с маленькой девочкой, хотя сам всего на год старше.

– Это к воде нельзя, а не к пляжу. К воде я и не ходила. Только твою подружку выгнать оттуда пыталась. Между прочим, ей ты почему-то ничего не говоришь, – я отталкиваю Дена в грудь, но лишь сама отшатываюсь, он продолжает крепко стоять на ногах. – Что вообще ты здесь делаешь?

Парень лишь устало смотрит на меня. Как будто все беды исключительно из-за Морены Лазуровой.

– Я шел подменять дядю Пашу. Куда он подевался? Как ты прошла на пляж?

– Он ее и пропустил. Я все видела, – Дина, обвиняя, указывает на меня пальцем и ухмыляется. – Она ему разрешила уйти. Сказала, что присмотрит за пляжем. А я думала, что она знает. А она не знает, да? Она не из ваших?

Поймав мой удивленный взгляд, Ден лишь предостерегающе смотрит на Дину, пытается предупредить, чтобы она не сболтнула лишнего.

– Из ваших, из наших – фыркаю я. – Из своих собственных. Она так и будет в воде болтаться?

Ден словно спохватывается.

– Вылезай! – требовательно говорит Дине, но девушка отплывает дальше и мотает головой, улыбается, показывая зубы.

– А ты мне что? – она полностью погружается в воду, затем на поверхности появляется лоб и большие хитрые глаза.

– М-м, – задумчиво тянет Ден, прикидывая, чем может удивить подружку. – Я уже давно обещал тебя покатать на своем байке.

– Ба-а-айк, – тянет Дина и расплывается в довольной ухмылке. – Ну, хорошо.

Девушка послушно, склонив голову, начинает вставать из воды. Длинные мокрые светлые волосы практически полностью прикрывают ее наготу.

А Ден стоит, ничуть не смущаясь, скрестил руки на груди и ждет, пока девушка из моря полностью выберется на берег.

– Эм, – бормочу я, стыдливо отводя взгляд от девушки. – Тебя вообще ничего не смущает?

Парень небрежно пожимает плечами.

– Дина, где опять твоя одежда осталась? – тяжело выдыхает он, будто такие ее проделки ему уже надоели.

– Она на другом берегу, – надувая губки, наигранно опускает глаза вниз. Длинные ресницы оставляют тени на ее щеках. Волосы девушки волочатся по воде за ней следом.

В какой-то момент я понимаю, что совершенно лишняя здесь. Пусть Ден сам разбирается со своей голой длинноволосой подружкой, а я пойду лучше.

– Ну, это. Пока, пожалуй, – неловко говорю я, чуть ли не с открытым ртом, наблюдая, как Ден стягивает с себя рубашку, оставаясь с голым торсом, и отдает ее Дине.

Девушка сооружает из протянутой рубашки подобие летнего сарафана и радостная устремляется босиком по песку к тропинке, ведущей с пляжа. Она смешно проваливается и расставляет руки в стороны, чтобы удержать равновесие.

Ден провожает ее взглядом и вдруг оборачивается ко мне.

– Не. Подходи. К. Воде, – ставя ударение на каждом слове, четко произносит он. – Ясно?

Киваю, а в душе зарождается желание как-то насолить ему. Пойти наперекор. Слишком самонадеянно он выглядит, стоя тут передо мной только в одних бриджах.

– Беги, а то ушла твоя ундина, – я киваю в сторону точеного девичьего силуэта, взбирающегося по горке вверх.

Ден на секунду замирает, напрягается, становится похож на мраморную статую. Только волосы на ветру колыхаются.

– Что? – срывается тихий вопрос с его губ.

– Говорю. Русалка твоя уплыла уже. Догоняй, – чуть громче и старательно выговаривая каждое слово, чтобы до парня дошел смысл, повторяю я. – Ундина – это русалка, если ты не знал.

Ден отмахивается.

– Знаю я. Не расслышал просто. Ты здесь или домой? – он уже собирается уходить, на меня даже не смотрит. Задумчивый взгляд синих глаз устремлен на край обрыва, где, расставив руки в стороны, стоит Дина и покачивается, словно от сильного ветра. Ее волосы уже успели подсохнуть и теперь развиваются за спиной. Девушка прикрыла глаза и подняла голову, встала на цыпочки, будто намереваясь взлететь.

– Здесь. Надо дописать главу, – вру я, а сама собираюсь проследовать за бывшим другом и узнать хоть что-нибудь из его будущего разговора с Диной.

Больше он не оборачивается. Поднимается по тропинке наверх и обхватывает за талию Дину. Я быстро пакую вещи. Успеть бы услышать, что он ей скажет. А над пляжем разносится ее залихватский смех.

Неужели он умеет шутить? Я еще ни разу не видела, чтобы Ден улыбался. Возможно, только с ней?

– Ну, идем же! – требует Дина. – Ты обещал. Хочу покататься.

И что он в ней нашел? Возможно, она просто не оставляла его один на один со змеей.

Подождав пару минут, я отправляюсь следом.

– Ну, что-нибудь новое известно? Какие у них цели? Что ты узнала? – замираю на тропинке прислушиваясь. Ответа нет. Неужели ушли далеко? Поднимаюсь чуть выше и вижу, как Дина оборачивается в мою сторону и, заметив, вновь возвращается к разговору с Деном. Будто ждала, пока я появлюсь.

– Требования у них не изменились. Хотят, чтобы мы их пропустили. Кричали, что убьют каждого, кто сунется в воду. Смотри. Это их когтей дело! – Дина демонстрирует что-то на плече. По разговору можно предположить, что там царпины.

– Чего ты жалуешься. Заживет к вечеру, вы же живучие, – Ден слегка обнимает девушку за плечи.

Мы сейчас идем по открытому полю. Спрятаться здесь негде, разве что в кусты нырнуть. Могу лишь надеяться, что Дену не захочется повернуться. И судя по тому, как Дина привлекает его вопросами и глупыми ни к чему не приводящими рассказами о море, понимаю, она старается для меня. Вот только зачем?

– Сегодня соберем совет. А завтра вечером ты должна будешь отправиться обратно.

– Я сплю сегодня с тобой? – мурлычет девица, прижимаясь всем телом к Дену и оплетая его руками.

От этой сладости меня мутит. Дорога уже подошла к концу. Дальше начинается наша улочка. Вон виден дом Пелагеи.

– Прости, Дина, но оба мы в ванной не поместимся, – он аккуратно отодвигает ее от себя и жестом приглашает войти на территорию своего участка. На мгновение оборачивается, замирая возле открытой калитки. Я даже задерживаю от испуга дыхание. Но он меня не видит. Куст сирени, что растет прямо у нас рядом с забором, отличное укрытие.

– Как книга? Много написала? – как только я переступаю через порог, спрашивает, хлопчущая у плиты, Пелагея.

– Нет, не очень. В воде решила поплавать Дина, подружка Дена, а я пыталась ее оттуда вытащить, – ставлю сумку с ноутбуком на табуретку, а сама сажусь рядом и кладу голову на стол. В нее напекло. Солнце шпарит сегодня довольно сильно.

– Дина? – тетка оживает, услышав имя.

– Да. Волосы еще длиннющие, как у Рапунцель.

Пелагея ставит передо мной кувшин с лимонной водой.

– Гляди, зажарилась на солнце-то. А я ведь говорила, чтобы панамку взяла. Волосищи-то темные. Много тепла привлекают.

Я лишь успеваю налить себе воды, когда раздается стук по калитке.

– За котлетами последи, чтобы не пригорели, – бросает тетка и, кинув полотенце на спинку стула, выскальзывает из дома. Я лениво приподнимаю голову и выглядываю в окно. Там ждет Ден. Он что-то говорит тетке. Стоит спокойно, убрав руки в карманы. И даже пару раз улыбается. Приятная у него улыбка, жаль только, что появляется нечасто и адресована всегда не мне. Тетка, кивнув, закрывает калитку и поворачивает обратно к дому.

– Виталина зовет сегодня вечером в гости. Так что ты без меня ложись. На ужин тебе котлет оставлю, да овощи нарежешь. Разберешься, – Пелагея вновь направляется к плите как ни в чем не бывало. – Моя компания тебя все равно тяготит.

– Да нет, тетя, не тяготит. Я бы лучше с тобой вечер провела, чем в одиночестве, – я лгу. Все равно она пойдет. Не просто так в гости позвали. Собрание у них там.

– Книжки считаешь, не маленькая ведь. Займешь себя как-нибудь, – она выключает конфорку, треплет меня по голове и уходит в свою комнату, видно, одежду подбирать.

– Все, я пошла, – доносится с первого этажа.

– Хорошо! – кричу я в ответ. Осталось только выждать немного, и можно устраивать слежку.

На улице уже должно быть прохладно, так что натягиваю темные джинсы, кроссовки и черную водолазку. Да, Морена, тебе двадцать, и ты играешь в шпионов. Волосы убираю в высокий хвост, чтобы не мешались.

Как во всех голливудских фильмах, сооружаю подобие человеческого силуэта под одеялом. Если тетка вдруг неожиданно вернется, то будет думать, что я сплю. Глупо? Да. Но в фильмах это работает, а на деле я еще ни разу не пробовала. Не было надобности.

Выключаю свет и в потемках пытаюсь добраться до выхода из комнаты. Прятаться в пустом доме мне не от кого, спускаюсь спокойно по винтовой лестнице. От спуска кружится голова. Металлические перила холодят кожу на ладонях.

В доме темно. Тетка решила, что я весь вечер проведу наверху, и выключила свет везде, где только можно. Ну, пусть так и думает. Выглядываю в окно на кухне, лишь слегка отодвинув пальцами занавеску. Как раз видно улицу и силуэт человека, что стоит рядом с нашим забором. Лица не разобрать – мужчина находится ровно в тени от фонаря.

Мне становится не по себе. Приставили к дому следить? За мной?

И самой смешно от личной мнительности и желания найти какую-нибудь тайну или заговор. Кому может потребоваться следить за мной? За племянницей-сиротой, приехавшей на каникулы к тетке.

Только все равно решаю выйти из дома не через дверь, а участок покинуть не через калитку.

Тетка всегда оставляет окно в своей комнате открытым. Через него и выбираюсь на задворки участка к курам. Кроссовки тут же намокают от росы, осевшей на траве. Курятник давно закрыт. Птицы уже наверняка спрятали головы себе под крылья и дремлют на насестах. И не подозревают, что живут они только для того, чтобы служить доходом для Пелагеи.

На улице действительно прохладно, хоть на море и полный штиль. Ни одного дуновения ветерка. Осторожно выглядываю из-за дома – мужчина все еще стоит, прислонившись к фонарному столбу, и курит сигарету. Уголек на ее кончике то ярко вспыхивает красным, то вновь затухает. Дымок поднимается тонкой струйкой, раздражает комаров и мотыльков, что глупо бьются о стекло фонарного плафона.

Ну и пусть стоит. А я в обход. Жаль только, что джинсы придется испачкать немного – земля влажная.

Здесь, за курятником забор представляет собой обычную металлическую сетку, которая отходит в самом низу. Соседская овчарка несколько лет назад совершила как-то к нам подкоп, чтобы погонять кур. До сих пор эту дыру не заделали. Только скотчем сетку к столбу примотали. Держится и ладно. Все равно не видно, как оно все здесь устроено.

Опускаюсь на колени и вслепую пытаюсь отмотать клейкую ленту. Без света это дается мне с большим трудом, но вскоре я добиваюсь желанного результата. Если Морена Лазурова решила, что она шпион и суперагент, значит, она доведет все до конца и сделает это по высшему разряду.

Отгибаю край сетки как можно сильнее и стараюсь не шуметь. Здесь только и остается, что на животе проползти. Ну и почему овчарка Радка не вырыла яму глубже?

Пачкая свои единственные джинсы, пролезаю в дыру. Говорят, что трава плохо отстирывается. Завтра проверим.

За нашим участком начинается поле, точнее, общие огороды. Весной обычно жители приходят, высаживают что-нибудь. Потом любой может для супа или салата нарвать морковок, да огурцов. Никто не наглеет. Берут столько, сколько нужно.

И вот сейчас по тропинке рядом с этим огородом я и пройду несколько домов. Потом, правда, как-то придется попасть на другую сторону улицы, чтобы проникнуть на участок Дена.

Перехожу на бег. Вдруг пропущу самое интересное? И опять нужно додумывать, угадывать. Что там с этим морем не так? Кто покалечил Дину? Что за странная девушка тогда манила меня к себе?

Про водных коней, что вставали на дыбы, и их шевелюры, сотворенные из морской пены, я думать отказываюсь. Это уже разыгравшееся воображение. Вот этого точно не было. Это приснилось.

Останавливаюсь. Вон дом Дена. И именно в этот момент я понимаю всю глупость своей затеи. Конечно же, этот дом, как и все здесь, огорожен забором. Раньше я почему-то не задумалась, что мне придется попасть на участок. На чужую территорию. Что, по меньшей мере, незаконно.

Единственная возможность проникнуть в этот бастион – калитка, которую могли забыть запереть.

Ну, будем надеяться, что тот, кто следил за моим домом, сейчас продолжает за ним наблюдать, а не глазеть по сторонам.

Срываюсь с места и как можно быстрее перебегаю дорогу. Я у нужного забора. Мужчина все еще докуривает свою сигарету, лениво потягиваясь. В мою сторону даже не смотрит. Хорошо.

Легонько толкаю калитку, и, о чудо, она поддается! В открывшуюся щелку пролезть у меня получится вряд ли. Открываю сильнее. И вздрагиваю от скрипа, разносящегося по округе.

Быстро ныряю внутрь. Большой кустарник жимолости послужит мне укрытием на ближайшее время.

Дверь дома открывается. Выглядывает Ден. Сжимаюсь вся комочком, в надежде, что меня не увидят. Он вальяжно доходит до калитки и закрывает ее, на всякий случай оглядываясь по сторонам.

Как только он уходит, позволяю себе немного расслабиться. Теперь осталось дело за малым.

Сгибаясь в три погибели, я подбираюсь к окнам дома.

Собрание проходит на кухне. Почти все форточки открыты, и мне слышно, что говорят люди. Насчитываю минимум десять человек.

Сажусь около стены под одним из окон. Лопатки касаются холодного камня. От перебежек хочется пить и першит в горле.

Молодец, Морена, ты пробралась. Ты настоящий шпион. Жаль только, что диплом в следующем году защищать нужно будет не так.

– Я никак в толк не возьму, почему вы не хотите пойти им на уступки? – незнакомый мне мужской голос.

– Выпустить сирен в наш мир? Виктор, ты серьезно? Ты хоть представляешь, какой хаос воцарится? – похоже на голос Виталины.

Стук чашки о деревянный стол. Вся обращаюсь в слух. Сейчас меня не заботит холод от влажного камня, на котором я сижу. Не волнуют промокшие ноги. И то, что ветер, которого до этого не было, своими сильными порывами, пригибает к земле молодые березки, недавно высаженные Виталиной Петровной. Сейчас для меня не существует ничего вокруг, кроме напряженных голосов в кухне.

– Как ты не понимаешь, Вита! – стул со скрежетом отодвигается. – Как только к ним вернутся голоса, они никого здесь не оставят в живых. Мы выйдем из своих домов под звуки их пения и, словно крысы за крысоловом, с улыбками на губах утонем в море. Лукоморье опустеет. Никого не останется, кто смог бы не допустить их проникновение в мир.

Я зажимаю рот руками. Либо эти люди сумасшедшие, либо я, либо сирены действительно существуют.

– Мы раздадим наушники. Беруши. Что угодно! Но я отказываюсь потакать прихотям этих чудовищ, – еще один женский голос, но он тоже незнаком мне.

– Лукоморье существовало задолго до нашего рождения. И все поколения успешно справлялись с поставленной задачей. Справимся и мы. А пока. Предлагаю продолжать не выпускать никого в море, – это уже моя тетка вступила в беседу.

К сожалению, комарам все же удастся уловить мое тепло. И сейчас они кружат рядом, противно пища, и пытаются полакомиться свежей кровью. А я отогнать их не могу. Даже прибить негодяев. И что это за Лукоморье? Наш поселок?

Где-то начинает лаять собака. Ей вторит еще одна. И мне становится даже немного жутковато, но приходится дальше сидеть под окном, чтобы не пропустить ничего важного.

– Есть еще одна проблема, – голос Дена. Разговоры стихают. Только кто-то методично мешает сахар в кружке, скребя ложкой по дну. – Ваша племянница.

– Моя племянница вас не касается, – голос Пелагеи взвизгивается до потолка.

– А я думаю, что касается. Она уже дважды видела то, чего не следует. И уже что-то подозревает. Ходит везде, вынюхивает, – он говорит обо мне с таким тоном, словно видит перед собой только девчонку, от которой можно ждать одних бед. – Либо отправьте ее домой. Либо расскажите правду. Я, конечно, за первый вариант. Нечего тут шататься. Пусть уезжает к себе в город.

Вспыхиваю. Ах, так?! Да я узнаю все, что только будет в моих силах. Еще и сама к этим вашим сиренам схожу.

– Не горячись, Ден, – мужской молодой голос. – Все же недавно она потеряла родителей. Ден недовольно фыркает.

– Два года назад. Пора бы смириться с тем, что их у нее забрали.

В игру вступает все та же женщина, которая пару раз говорила до этого.

– Я считаю, что девочке нужно рассказать правду. Она имеет право знать, что Алиса и Андрей Лазуровы не просто пропали без вести.

Когда я шла сюда, я не думала, что услышу что-нибудь важное. Хотела верить, что они действительно собрались на чаепитие. Потом была готова к любой правде, даже фантастической. Но не к такой. Не к той, что затронула моих родителей и их смерть.

И если раньше я еще могла остановиться в своем расследовании. То не теперь. Не теперь, когда мне известно, что они не пропали. Что в их смерти виновато не море, не обычный шторм.

Сижу, словно каменная статуя. Обхватив колени руками. По щекам текут слезы. Все эти признания вновь разбередили только поджившую рану.

– Ей нельзя ничего говорить. Иначе раскроется не одна тайна.

VII

Первый порыв – вскочить на ноги и убежать отсюда как можно дальше. Собрать вещи, сесть на самолет и улететь обратно в Москву, в двушку на окраине города. Где меня никто не ждет. Где вторая комната пустует, а по квартире гуляют сквозняки. Рухнуть на вечно разобраный пыльный диван и, обняв старую игрушку, которую мне подарили на шестой день рождения, разреваться во весь голос. Уткнуться носом в плюшевый живот любимого пса и долго плакать, пока не закончатся слезы.

Но я заставляю себя остаться на месте, хотя желание выбросить из головы все эти разговоры, новости, которые я только что узнала, весь этот поселок целиком, слишком велико.

Закусываю губу, чтобы как-то образумить себя и не вломиться в дом Виталины с криками и требованиями все объяснить. Руки сжаты в кулаки, так что ногти впиваются в ладони.

Я закрываю глаза и несколько раз глубоко вдыхаю. Надо уходить отсюда. Я услышала намного больше, чем планировала. А участники собрания снова стали обсуждать возможные переговоры с сиренами.

– Не будут они с вами беседовать. Даже со мной не захотели. А я-то им рыбки наловила, – звонкий голос Дины пробивается сквозь мои мысли. – А они. Смотрите, до сих пор царапины не зажили. За эти мучения я просто обязана с вас потребовать горячую ванну с морской солью. Только пусть будет без резкого запаха. От прошлого у меня болела голова. О! И суши! Хочу суши! А то есть несоленую сырую рыбу уже омегузело.

Я слишком расстроена и подавлена, чтобы обращать внимания на странные требования Дины, и ее интересные выражения. Хочет суши – пусть ест. Я же хочу в кровать и спать. Только бы забыть все эти бредовые тайны и сплетни о сиренах, странном исчезновении моих родителей и о том, что еще может открыться.

Прокрадываюсь к калитке, стараясь не шуметь. Отпираю щеколду, распахиваю дверцу и выбегаю прочь отсюда. Домой, в кровать. Мне уже неважно, пусть по скрипу они поймут, что кто-то был на участке. Ничего не важно.

Как я ревела, когда узнала, что родителей не нашли. Как правдиво врала мне тетка, когда говорила, что они еще могут вернуться. Она уже тогда знала, что на самом деле произошло. Что они не пропали, а погибли. Были убиты. Сиренами ли? Этого я так и не узнала.

Собираюсь вернуться в дом, как нормальный человек, но спохватываюсь, заметив знакомый силуэт. Вновь приходится пробираться задворками, подлезать под сеткой, пачкая джинсы и водолазку о сырую землю, залезать в теткино окно, предварительно сняв грязные кроссовки, с налипшими на них комьями.

Винтовая лестница. И падаю поверх покрывала, даже не раздеваясь. Лишь кроссовки успеваю зашвырнуть под кровать.

Ночь проходит без сновидений, чему я несказанно благодарна. С утра меня будит стук в дверь.

– Морена, ты завтракать будешь? А то я уходить собираюсь, – само очарование для человека, скрывающего такую важную правду.

– Буду, – бубню в подушку.

– Что?

– Буду! – специально приподнимаюсь над подушкой, чтобы женщина услышала, мой голос просто пропитан раздражением.

– Тогда спускайся, – и звук удаляющихся шагов.

Стягиваю с себя водолазку и джинсы, тщательно изучаю нанесенный им ущерб и швыряю вещи под кровать. Пелагея уйдет – постираю. Из шкафа выбираю цветастую футболку и шорты.

Зеркало показывает мне совершенно неподобающую картину. Хвост съехал набок, куча петухов примостилась на макушке. Глаза красные, зареванные. На опухшем лице отпечатались следы от подушки.

Единственное, что я могу сделать в этом положении – поправить прическу. Так и поступаю.

Тетка встречает меня блинами и горячим какао. Чудесные сладкие запахи ванили и шоколада, витающие по солнечной кухне, заставляют ненадолго отвлечься от появившихся проблем.

– Теть, – говорю я, помешивая ложкой какао. – А сирены существуют?

На мгновение она замирает, пытаюсь понять, что мне известно, а затем расплывается в улыбке.

– Эти мифические твари, что моряков топили? – уточняет, словно не понимает, о чем разговор.

Неспешно отпиваю глоток вкусного напитка, смакую его и лишь после этого отвечаю.

– Они самые. Как думаешь, реальные?

– Ох, Моренка. Взрослая ведь девка уже. Двадцать первый год живешь, а в сказки веришь. Если бы они существовали, тогда люди давно уже смогли бы найти тому доказательства.

И хоть тарелка Пелагеи еще не пуста, женщина поднимается из-за стола и начинает убирать за собой, пытаюсь замять этот разговор.

– Но ведь мифы откуда-то пошли. Почему в разных легендах есть русалки и сирены, которые завораживают пением и топят людей?

Тетка со звоном бросает тарелку в мойку.

– Выдумки. Раньше все списывали на тварей. И кораблекрушения, хотя штурманы просто не справлялись с управлением, и топящихся не от лучшей жизни людей. И русалки с сиренами – это разные вещи. Можешь у Дины проконсультироваться, если так этой темой заинтересовалась. Она у нас спец по морским мифам.

Пелагея протирает стол, швыряет тряпку на край раковины и собирается выйти из кухни, но я останавливаю ее очередным вопросом.

– Кто вообще такая эта Дина?

– Вот у Дины и спроси, – отмахивается Пелагея и исчезает в дверном проеме.

Сегодняшний день я собираюсь полностью посвятить поиску информации о сиренах, русалках и всех этих мифологических тварях из языческого мира. Можно было бы последовать теткинскому совету и пойти к Дине, но какой смысл слушать человека, который тебе лгал несколько лет?

Я знаю, что соврать мне не может – это книги. Вот только библиотека, как назло, оказывается закрыта.

Здание хранилища старое, большое и торжественное, похожее на один из храмов Древней Греции. С высокими белоснежными колоннами, подпирающими свод, двускатной крышей, и лепниной на фронтоне в виде эпизода из мифов.

Каким образом такая красота оказалась на площади старого поселка, где в брусчатке не хватает каждого десятого камня, а остальные домики приземистые и блеклые как один, я не знаю.

Здесь же в самой середине стоит большой фонтан, который по закону жанра тоже должен быть в запущенном состоянии, но каким-то чудесным образом продолжает работать.

Сажусь на мраморные ступеньки и подставляю лицо солнцу. Нужно немного загореть, а то хожу бледная, как поганка. Ирка будет смеяться. Скажет, два месяца провела на море, а вернулась блее смерти.

Около продуктового магазинчика, в котором работает дядя Павел, стоит группка местной молодежи и потягивает из бутылок то ли пиво, то ли энергетики. Четверо парней и две

девчонки. Как бы сказал Николай Дроздов: «А сейчас мы с вами можем наблюдать за обитателями местной фауны в их естественной среде». Но на удивление парни не гогочут, через каждые два слова используя маты, как это обычно бывает в таких ситуациях. А девушки навид выглядят очень приятно и опрятно.

Их разговор прерывает шум двигателя. Мотоцикл влетает на всей скорости на площадь, делает круг и останавливается ровно у группки. С байка спрыгивает блондинка, в которой я узнаю Дину, и сам водитель. Он небрежно снимает шлем, показательно взмахивает головой, откидывая со лба волосы и, этого следовало ожидать, оказывается Деном.

– Здорово, – доносятся до меня приветствия. Парни пожимают руку Дену, и расплываются в улыбках, поворачиваясь к Дине. Та сегодня в легком розовом платьице и с мудреной прической из кос.

– Дина! Какими судьбами к нам? Когда ты вернулась?

– Да вот вчера приплы... приехала, – игриво накручивает выбившийся локон на палец и смотрит в мою сторону.

Да ну, глупости. Зачем ей глядеть на меня? Там вон мальчишки. Ее обожаемый Ден. Она ухмыляется и отворачивается.

– А чего к нам не зашла? Мы в «Кракене» тусили.

«Кракен» это местное кафе, по ночам превращающееся в клуб, я бывала в нем только днем. Известно мне только то, что там продаются клубничные молочные коктейли, которые я так люблю.

Я поднимаюсь со ступеней. Здесь уже ловить больше нечего. Еще один вариант пополнить багаж знаний – отправиться в город и найти там бесплатный Wi-Fi. Телефон у меня с собой, так что выйти в сеть будет с чего. Мобильный интернет на лето я не оплачивала. Все равно здесь не ловит.

Мне повезло, что именно с площади в город уходят автобусы. Добираюсь до остановки и сажусь под навесом на лавочку. Достая из сумки книгу, которую взяла с собой на всякий случай, если ехать все же придется.

Расписание давно выцвело, так что я вряд ли смогу узнать, когда транспорт приедет. Говорят, что катаются они здесь не слишком часто.

– А это кто? – теперь я еще ближе нахожусь к Дену и его компании и могу слышать дословно каждое предложение.

Ден удивленно оглядывается на меня.

– Да к соседке племянница приехала, – бросает он небрежно.

Делаю вид, что читаю книгу, а сама слушаю их разговоры, но там ничего сверхъестественного. Лишь обсуждения местных сплетен.

Через некоторое время ко мне подходит один паренек из той компании. А его друзья тихо перешептываются и посмеиваются.

– Вах! Какая красивый дэвушка сидит! – изображая нерусский акцент, произносит светловолосый молодой человек и садится рядом. – А что такой красивый дэвушка делает одна?

– Такой красивый дэвушка ждет автобус, – отвечаю я и понимаю, что голос этот мне уже знаком. И слышала я его вчера у Виталины дома.

– А имя у дэвушка есть? – он улыбается в тридцать два зуба и пытается не рассмеяться.

– Есть. Морена я, – убираю книгу, дальше притворяться смысла не вижу.

Краем глаза замечаю, как остальные ребята поглядывают в нашу сторону и улыбаются.

– А я Руслан. А Морена знает, что автобус ходит только два раза в сутки? Утром в десять и вечером в девять?

Я удивленно смотрю на парня.

– Seriously? – значит, сегодня в город уже не попасть. Вот ведь невезение.

Руслан спохватывается.

– Эй, ты чего? Расстроилась? А тебе очень срочно? – лишь грустно киваю. – Я могу друга попросить, чтобы отвез.

Мои глаза загораются. Неужели доберусь до интернета?

Почему нельзя было догадаться, что другом Руслана окажется не кто иной, как Ден?

– Ребята, это Морена, – знакомит меня с группкой молодых людей Руслан, а затем указывает на каждого и представляет их. Имена мне даются с трудом, но запоминаю каждого.

Миловидная блондинка – Вероника, а ее подругу зовут Машей. Самый высокий из всех парней – Вадик, самый низкий – Илья. И Ромка непримечательный внешне, но заметный по кислотной футболке.

Ребята снисходительно улыбаются, но я уже знаю, что с ними мы больше контактировать не будем. Не моя это компания.

– Милая футболка, – окинув меня взглядом, улыбается Вероника. – Где купила?

Называю ей магазин. Девушка недовольно дергает плечом.

– И откуда ты? – спрашивает лениво Маша, чтобы поддержать разговор.

– Сейчас живу в Москве, но вообще отсюда, – я стараюсь быть приветливой и дружелюбной, но уже вижу, как меня воспринимают в штыки.

Руслан что-то шепчет Дену и тот, тяжело вздохнув, соглашается.

– Тебя отвезет Ден, – ласково обняв меня за плечи, сообщает Руслан.

– Э, – удивленно тяну я, но спохватываюсь. – Спасибо.

Ден подходит к своему байку и садится на него. Смотрит прямо на меня. Так ехидно, будто ждет чего-то.

Подхожу ближе.

– Надевай, – грубо сует мне в руки свой единственный шлем.

– А ты? – удивляюсь я, вспоминая, что это он был в шлеме, а не Дина.

Он не отвечает. Ждет, когда я соберусь и сяду. Шлем тяжелый, неудобный и пахнет туалетной водой Дена, но пусть лучше так, чем разбить себе голову.

Чья-то рука касается моего плеча.

– Верни мне его живым, – тонкий голосок Дины звучит у уха. Затем девушка перепархивает к Дену и целует его в щеку. – Я все еще жду обещанные суши.

Слышу перешептывания Вероники и Маши.

– Москвичка, – фыркает Маша.

– И в дорогих шмотках. Фирменных, – соглашается ее подруга.

Дальнейшего разговора я уже не слышу, потому что мотоцикл начинает реветь и срывается с места.

Ездить на мотоциклах страшно. Это я поняла уже в первые две минуты, как железный конь тронулся с места. Всю дорогу кажется, что мы сейчас упадем или разобьемся.

Мы на всей скорости мчимся по проселочной дороге в сторону леса. Приходится обхватить парня обеими руками за талию, чтобы удержаться на этой странной машине.

И вот навстречу нам выходит лес. Всей своей громадиной старинных сосен и кедров. С сумраком на дороге и птичьими песнями. Иногда я забываю, что боюсь леса. Мне нравится вдыхать эти запахи свежести, прелых листьев и мягкой земли. Нравится слушать трели пташек и смотреть на белок, скачущих по деревьям. Это какой-то свой особенный мир, как и водный. Если сюда не вторгаться, чаща будет казаться такой же таинственной, как и морские глубины с их секретами.

По обе стороны от дороги проносятся ели, березы и осины. А я лишь крепче прижимаюсь к Дену, каждый раз боясь сорваться.

Как и всегда, когда пересекаешь черту леса, по коже пробегает странный холодок. Обычно я списываю это на прохладу в тени деревьев, но теперь в этом хочется найти какой-нибудь мистический смысл.

Город оказывается всего в полчаса езды. Мы замираем на светофоре.

– Так куда тебе надо? Ты так и не сказала, – оборачивается ко мне Ден.

– В Макдоналдс, – говорю я первое, что приходит на ум. Пусть оставит меня там, а я уже сама обратно доберусь.

– Серьезно? Ты тратишь мой драгоценный бензин, чтобы купить вредной еды? – сквозь показательное недовольство проскальзывает смехок.

– Мне не еда нужна, а бесплатный интернет. Да и бензин не просто так тратится. Купишь своей ненаглядной суши, которые она так жаждет, – давай, довези меня уже до места и разойдемся каждый своей дорогой. А я наконец-то смогу отыскать всю нужную мне информацию.

Загорается зеленый свет, и мы трогаемся с места. Ден останавливается у ближайшего здания фастфуда.

– Тебя через сколько забрать? – осведомляется он благородно, а на лице отражается весь спектр нежелания, недовольства и смирения.

Глаза у него сегодня светло-синие, как море в солнечных лучах.

– Не надо меня забирать. На автобусе домой вернусь, – отвечаю я. Тогда он берет на себя ответственность объяснить, на какой маршрут и где садиться. И даже называет точное время отбытия отсюда транспорта. Благодарно киваю и ухожу.

Жаль, что детские обиды самые сильные.

В Макдоналдсе не протолкнуться. Тут работают кондиционеры, но народу столько, что дышать все равно нечем. Добираюсь до кассы, заказываю молочный коктейль и выхожу на веранду под открытым небом.

Мне нужна только информация о русалках и сиренах, но руки так и чешутся проверить социальные сети и почту. Я одергиваю себя. Буду отвечать на сообщения и проторчу тут до позднего вечера.

В интернете оказывается не так и много полезной информации, которая могла бы мне пригодиться. Среди сирен я нахожу два вида. Тех, которых отождествляют с русалками. И тех, что живут на скалах в образе полуженщин-полуптиц. В любом случае и те и другие своим пением заставляют людей забывать обо всем.

Кроме мифов из Древней Греции, никаких других особо интересных источников мне не попадается.

Про русалок информации чуть больше. Где-то считается, что это они живут в морях и поют те же смертельные песни, как и сирены. А вот в славянской мифологии есть тоже два варианта. Это утопленницы. Или нечисть, живущая в лесах и щекочущая до полусмерти людей. Русалки с длинными волосами цвета пшеницы. Любят очаровывать парней и после топить.

Уф. А дальше-то что? Из методов борьбы исключительно глупый заговор, который я все равно добавляю в заметки.

До нужного мне автобуса еще много времени, так что я позволяю себе расслабиться и пройтись по набережной города. Здесь шумно, много туристов. Стоят палатки с разнообразными сувенирами: брелоками, полотенцами, побрякушками, ракушками, ловцами снов и уйма другой дешевой бижутерии.

От прилавка к прилавку снуют люди. Чаще это женщины средних лет с детьми.

– Ну, мам, ну купи. Хочу! – как один тянут детишки за руки родителей. – Купи игрушку! Пахнет вареной кукурузой и дешевым кофе. Еще кремом от загара и потом.

Женщины с широкополыми шляпами двигаются так непредсказуемо, что мне становится тревожно за свои глаза, в которые поля от шляпок постоянно норовят заехать.

Домой возвращаюсь уже вечером. Старенький автобус катит по дороге среди леса. И в нем только я, да незнакомая женщина с объемной сумкой, возможно, я ее раньше встречала в нашем поселке, но близко никогда не была знакома.

Солнце садится, и в лесу становится еще более пасмурно. Меня не покидает странное ощущение. Волосы на затылке шевелятся, будто от незримого дыхания за спиной.

Автобус резко тормозит. Слышу ругательства водителя. Приподнимаюсь на сиденье, чтобы лучше разглядеть существо, стоящее перед машиной в свете фар.

Я не сдерживаю вопля ужаса, когда мохнатое чудовище смотрит прямо на меня сверкающими глазами. Его пасть открывается, обнажая острые клыки, с которых капает бурая слюна. Кровь? С опозданием понимаю, что это волк. Просто большой, довольно косматый, неестественно черного цвета, но волк.

Водитель нажимает на гудок, пугая зверя, и давит на газ что есть силы. Автобус дергается и устремляется как можно быстрее прочь из леса.

VIII

– Черт подери, что это было?! – бросаюсь к заднему окну автобуса, пытаюсь не упасть на кочках, чтобы разглядеть тварь, но той уже и след простыл.

– О чем ты говоришь, дорогая? – женщина пытается притвориться, будто ничего не произошло, вот только я знаю, она тоже это видела. Ее худое лицо блее мела, а зрачки расширились, словно перед ней только что пролетело приведение.

– Там волк! Волк был! Вы же видели! – тычу пальцем в сторону окна. – Затормозили из-за него.

– Да никто не тормозил. Тебе приснилось, – она отмахивается от меня, а сама пытается засунуть обратно в сумку последнюю пару больших строительных наушников, из тех, что вывалились при торможении. Это сейчас меня данная мысль не беспокоит, позже я задумаюсь, зачем сорокалетней даме несколько пар ярко-желтых наушников.

Когда автобус подъезжает к остановке, меня всю трясет. Русалки, сирены, теперь еще и оборотни? Или я лежу сейчас в коме, и это просто мозг пытается пробудиться ото сна?

Спускаюсь на дорогу. В воздухе витает приятный вечерний аромат, тот, что бывает только ближе к ночи у городка рядом с морем. В других местах вечером пахнет иначе.

– Вы задержались. В лесу была пробка? – недавний знакомый Руслан, что так любезно предложил мне Дена в качестве водителя, стоит около остановки, опираясь на столб, щурится и улыбается.

Ему кажется, что шутка смешная. В любой другой момент, она бы смогла заставить меня улыбнуться, но не сейчас. Видно, парень замечает мое бледное испуганное лицо и подходит ближе.

– Что-то случилось? Авария? – он действительно озабочен. Не наиграно, как это любят делать многие, только бы привлечь к себе внимание. Руслан переживает.

– В лесу был волк, – выдыхаю я и сажусь на лавочку, обхватив себя руками. – Странный волк.

По коже пробегают мурашки – для футболки и шорт вечер довольно прохладен.

Руслан садится рядом и набрасывает мне на плечи джинсовую куртку, сам оставаясь в черной футболке. Его вьющиеся волосы в желтом свете фонаря кажутся золотыми.

На площади никого, лишь фонтан журчит, выплевывая из своего нутра воду, да из «Кракена» доносятся чьи-то голоса и музыка. А еще поют цикады. Так громко, как будто одна из них примостилась у меня на плече и стрекочет прямо в ухо.

– Уверена? – собравшись с мыслями, спрашивает парень. – Может, это была бродячая собака, а ты с перепуга ее за волка приняла?

Я лишь пожимаю плечами. Хочется верить, что так все и было. Мне хватает сейчас загадочных сирен, что собираются зачем-то проникнуть в наш мир. Так глупо. А в настоящий момент они где? В другом мире? Но я видела одну из них. И она стояла на песке, тянула ко мне руки. Только не пела. Почему?

Этот вопрос отправляется вместе с остальными в мою копилку загадок и со звоном монетки падает на воображаемое дно. Дзинь.

– Ладно. Надеюсь, что ты прав, – говорю я и поднимаюсь.

– Тебя проводить?

После этой истории в темном лесу, я действительно не против, чтобы меня довели до дома, поэтому согласно киваю. Руслан пока не давал мне повода подумать о нем плохо, и я позволяю ему довериться.

Дверь «Кракена» открывается, выпуская на улицу вместе с громкой музыкой парочку молодых людей. Девушка пьяно смеется и наваливается на парня, обвивая руками его шею. Лезет к нему целоваться.

– Ты такой ми-и-и-лкий, – протяжно произносит она, и по голосу, да и по длинным волосам до колен, я узнаю в ней Дину. – Возьми меня на ручки, я так устала.

И она просто падает ему в объятия. Ден хохочет и ловит ее. Первый раз вижу, как он смеется. Такой приятный, густой, шоколадный смех. Даже замираю, прислушиваясь.

– Дина, разве ты можешь опьянеть? – удивляется Ден, ловко подхватывая девушку на руки.

– Могу-у-у, – она радостно болтает ногами и цепляется за шею парня.

Я ускоряю темп, чтобы пройти мимо влюбленной парочки. Руслан идет следом.

– О, Рена, ты добралась?! – окликает меня Ден. Вздрагиваю. Так называл меня только он. Тогда, давным-давно, семь лет назад.

– Как видишь, Ден, – развожу руками и, стараясь подражать его веселому настроению, звонко отвечаю. – Зато ты времени не терял зря!

– Ты тоже! – Ден многозначительно смотрит на Руслана.

Лишь пожимаю плечами.

– Увидимся, – кивает Руслан парню и, приобняв меня за плечи, уводит от этой парочки. Неужели он заметил, что мы не в ладах с этим парнем?

От площади до моего дома пятнадцать минут пешком. Пройти две улицы и свернуть направо к морю. А там предпоследний дом – теткин.

– Ты давно с ним знакома? – интересуется Руслан, убирая руки с моих плеч, как только мы скрываемся от взглядов Дена и Дины.

– Дружили, – отвечаю я, сразу понимая о ком идет речь. – Давно.

Парень лучезарно улыбается и начинает задавать примитивные вопросы о моей жизни. О себе рассказывать я не очень люблю. Кому какая разница, что у меня за душой? Сейчас там только руины былого счастья.

И я пытаюсь сама задавать вопросы. Руслану двадцать два. Окончил университет в прошлом году. Сейчас изредка подрабатывает, где придется. Когда речь заходит о его увлечениях, парень заметно напрягается. Он отшучивается, что кроме компьютерных игр его особо больше ничто не интересует.

Пусть так. Я не люблю, когда лезут в душу ко мне, так и докапываются до истины в словах других мне тоже не хочется. Будь спокоен, Руслан, твои тайны, какими бы они ни были, останутся при тебе.

С парнем оказывается на удивление легко общаться. Он рассказывает забавные истории из своей жизни, а я просто смеюсь, иногда вставляя свои замечания или предположения.

Доходим быстро.

– Что ж, – говорю я, отдавая куртку. – Спасибо, что проводил. Одной мне было бы не очень приятно добираться до дома.

– Это честь для меня, мадам, – он отвешивает глубокий поклон, перехватывает мою руку и подносит к губам, едва касаясь ими кожи.

– Вообще-то, мадемуазель, – поправляю я, и смеюсь.

Поворачиваюсь к двери, ковыряясь в замке ключом. Руслан заставил меня на некоторое время забыть о проблемах.

В доме свет не горит. То ли тетка уже легла спать, то ли не возвращалась. А возможно, снова ушла.

Я включаю свет, собираюсь подняться к себе в комнату, как через открытую форточку слышу голос Руслана.

– Да, довел. Наверное. Какой мне смысл торопиться, если Ден и его подружка задерживаются? Да откуда я знаю, что она делать будет? Спать пойдет или есть. Я не спрашивал. Этим пусть уже Дмитрий занимается, – его голос удаляется, но я слышу обрывки фраз. – Проверь лес. Мария еще не сказала? Волк. Не знаю. Может быть.

Выглядываю в окно, пытаюсь понять, как парень может говорить по телефону, но вижу лишь отдаляющийся силуэт.

Значит, к морю.

Джинсы я так и не постирала. Ну и хорошо. Сейчас для них самое время. Еще раз отгибаю шторку на окне в кухне. И вижу, как к фонарю, что стоит возле нашего забора подходит вчерашний силуэт. А вот и Дмитрий, который должен был заняться Этим – мной.

Неужели они действительно установили слежку? Как будто у них проблем больше нет, кроме как следить за сиротой с обостренным чувством справедливости и любопытства.

Тетки дома не оказывается. Ну и хорошо. Это еще больше подтверждает мои подозрения. Я повторяю вчерашний маршрут с лазом под забором и ухожу, на сей раз, к морю.

Я постаралась задержаться как можно дольше, чтобы случайно в пути не натолкнуться на остальных членов странной секты, в которую мне дорога закрыта по непонятным причинам.

В поле тоже стрекочут цикады. Бегу, что есть сил. Нужно оказаться на берегу как можно быстрее. На выступе берега есть кусты, в которых я запросто смогу отлежаться и увидеть все, что здесь будет происходить.

Падаю в заросли на краю обрыва и тут же достаю телефон. Теперь у меня будут доказательства, и тогда уже никто не сможет меня убедить, что это все разыгравшаяся фантазия. Я докопаюсь до истины, чего бы мне это ни стоило.

На берегу около пятнадцати человек. Среди них я узнаю свою тетку – волосы распущены, взор обращен в море. Длинное темное платье колышет ветер. Здесь же Ден, поторапливающий Дину, которая зачем-то раздевается догола. И никого это не смущает. Все чего-то ждут, замерев, глядят на воду.

– Живее ты, – подгоняет девушку Ден.

– Не торопи! – огрызается Дина. – Сам нас задержал.

В их голосах я уже не вижу того опьянения, которое было всего полчаса назад. Они абсолютно трезвы. Дина, стоя на одной ноге, даже не шатается.

– Я поплыла, – сообщает девушка и, разбежавшись, прыгает в воду. Раздается всплеск и Диана исчезает под водой. О водную гладь бьется большой рыбий хвост.

Сердце уходит в пятки. Она русалка! Вот как ей удалось незамеченной пробраться в море. Она просто была в нем с самого начала.

Через какое-то время Дина выныривает из воды у берега и докладывает.

– Они согласились поговорить с вами. Сейчас будут.

Я нащупываю телефон и включаю его. Руки дрожат. В воздухе чувствуется напряжение, в котором прибывают остальные члены тайного общества.

Из воды Дина вылезать не спешит, затаилась около большого камня и молча ждет. Мне плохо видно, но я уверена, что в ее глазах сейчас можно прочесть страх и животный трепет перед существами, которые должны появиться.

Вначале мне кажется, что к берегу приближается стая чаек, но чем ближе птицы подлетают, тем меньше они напоминают себе подобных. Я насчитываю восемь особей. Они огромные. Как минимум в половину человеческого роста. А острые когти, сверкающие в лунном свете, с мою ладонь.

Птицы пикируют на влажный песок, заставляя людей отшатнуться в стороны. Как только существа касаются земли, их тела вытягиваются и становятся человеческими, перья облетают. Женские лица вместо птичьих голов, презрительно смотрят на собравшихся. Тела восьми деву-

шек обтягивают серебристые длинные платья. В волосах застряли перья и веточки, но это придает девушкам еще больше странного очарования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.